

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "3-го открытого Чемпионата Балтии по русской поэзии - 2014" членом Жюри финала конкурса. Лучшие 10 стихотворений Чемпионата будут объявлены Оргкомитетом 6 июня 2014 года.

1 место

[ФЕЛЬДМАН Елена, Балашиха \(Россия\)](#)

Советская переводчица

Памяти Марии Петровых

1

Так далече речи завела,
Что тропинку к дому потеряла.
Затупилась старая игла,
Черная пластинка замолчала.

Ветер гонит по полу кудель —
Мягкие клубочки паутины.
Кто качнет резную колыбель

В этом онемении старинном?

Сладко пыльным воздухом дышать,
Сладко думать выцветшие мысли,
В бездорожье бархатном блукать,
Где рябины дугами нависли.

Как найти давно снесенный дом?
Мама! Катя! Каждый день – как чудо.
Это было в семьдесят восьмом.
Я тогда была жива покуда.

2

Срываю сахарный ревень
И лопухи топчу штиблетами:
Который коротаю день
В саду с армянскими поэтами.

Лишь сбрызнет охрой дальний лес
И загустеет воздух винный,
Ко мне с «харджи» наперевес
Идет Ваан, мой друг старинный.

Ваан Терьян, гандзейский князь,
Насмешник с ласковыми взорами,
По вечерам не прочь занять
Свою Марусю разговорами

Про белоснежный Арарат,
И каменный Ахалкалаки,
И то, как по ночам горят
Над ними радостные знаки.

О, как себя – в себе – избыть,
Чтоб то вино, тот жар гранатный
В меха чужие перелить,
Преумножая жизнь стократно?

Где взять и мудрости, и сил,
Чтоб просиял гранит нательный –
И легкий прах заговорил
С тоской и страстью запредельной?

2 место

КОНСТАНТИНОВА Ольга, Екатеринбург (Россия)

Мы их тут себе разделяем...

мы их тут себе разделяем
на правых и виноватых
говорим это типа жертвы
а это типа нацисты
а они совершенно одинаковые
маленькие солдаты
кровавые тельца
усталые лейкоциты

одинаково маршируют
одинаково поют
одинаково умирают
одинаково предстают
безо всяких беретов
камуфляжных бронежилетов
а апостол пётр им такой
у меня для вас никакого рая
никакого света

а они такие уже привыкли
говорят ему да иди ты на *уй
никакой ты тут не апостол
не пётр
если смотреть намётанными глазами
нет тебе веры говорят
нет в нас ни блага ни страха
а этот такой хихикает
хлопает в ладоши
и исчезает

исчезает вместе со своим кпп
со шлагбаумом
с ключом электронным
со своей седой бородой до пят
с презрением
и с насмешкой
а эти такие стоят
у них ни слов ни патронов
голые
в темноте крошечной

а она такая совсем темнота

густая тёплая нежилая
ни любви ни смерти в ней
ни родин в ней ни политик
только вдалеке
что-то вроде собачьего лая
плеска вёсел
скрипа калитки

что-то вроде запаха осенней травы
торфа
варёной картошки
что-то вроде обещания
к вечеру будем дома
и издевательское понимание
это ничего совсем ничегошеньки
это просто фантомное

и каждый одинаково хочет
набрать полный рот облегчённого мата
чтобы выплюнуть его без смысла
сладкий бальзам
небесную манну
а вместо этого они говорят беззвучно
мамочка мама
повторяют
мамочка
мама мама

никого мы тут не разделяем уже
без разбора одаряем венками
поровну почестей гражданским
военным
вашей артиллерии
нашей пехоте
только погляди
мамочка мама
это жизнь из нас утекает
это жизнь через нас идет
и совсем проходит

3 место

[АИНОВА Татьяна, Киев \(Украина\)](#)

Ручные бабочки

Однажды всё, во что не верили вчера мы,
соткут закатные светящиеся нити.
Таковыми ласковыми недовечерами
дневные бабочки становятся ручными
и сами просятся: возьмите нас, возьмите!

Они садятся нам на головы, на плечи,
но тут же вспархивают – если ты не замер.
Ты не торопишься? протягивай навстречу
ладонь и жди – как будто вечны и прочны мы,
дневные киборги с цветочными глазами.

Кому доверчиво распахивает крылья
в ладони бабочка – не то чтобы элита,
но вне деления на первые-вторые-
трёхмиллиардные... она скрывает имя?
Откроешь книгу и узнаешь: Нимфа Лида.

Смотри, смотри, её бесстыдством ошарашен!
Когда узор твоих кошмарных сновидений
вдруг предъясняется прекрасным и нестрашным,
и все мгновенные детали различимы,
невольно вздумается:
смеет ли нигде не
существовать первопробраз? В поколениях
столь безупречно повторение канона,
что, может, карты непредсказанных вселенных
на этих крылышках? Нет, лучше промолчим и
отпустим мысли вслед за Нимфой.
Всё равно нам
теперь томиться непрявленностью чуда,
его затерянностью в городе и доме,
плывущих мимо неба звёздного – покуда
ночные бабочки останутся ночными,
неприлетевшими на свет твоих ладоней.

4 место

[ЮДОВСКИЙ Михаил, Франкенталь \(Германия\)](#)

Она писала мне из Испании

Она писала мне из Испании – буквами, как бесенята, мелкими,
что скучает, купается в море, везет в подарок часы –
недорогие, но очень красивые, с необычными стрелками,
изящными и поджарыми, как андалузские псы.

Она описывала деревья, многорукие, как менора
с апельсинами вместо свечек. Об испанцах – не очень к месту –
сообщала, что галантны, обращаются к ней «сеньора»,
удивляются, что одна, и зовут разделить сиесту.

Признавалась вдруг, что поверила в жизнь иную
впервые и здесь, где ничто ни на что не похоже.
Я читал ее строчки, делая вид, что ревную,
удивленному воздуху корчил страшные рожи,

расправлялся с андалузцами одним ударом навахи,
доставал из бара бутылку риохи,
бормотал про себя: «Ах уж эти испанские махи...»,
добавляя зачем-то: «Ох уж эти еврейские лохи...».

Ее письма, меж тем, истончались, как влага
под субтропическим солнцем, читаясь кондово:
«Измил Кадис... поразила Малага...
несравненна Севилья... хороша Кордова».

Затем пришла бандероль. С часами. К часам прилагалась записка:
«Остаюсь в Испании. Весной расцветет миндаль.
Не грусти, я люблю тебя. Лишь отбрасывая то, что близко,
видишь даль».

Я пил кое-что покрепче. Вспоминал ее родинки – десятки родин
на теле. Говорил себе, что бессмысленно стоять на пути к
совершенству... По слухам она то ли вступила в монашеский орден,
то ли открыла на набережной бутик.

Я сидел, у безморья ожидая шторма.
На ее часах, заблудившись меж точками и тире,
околевали стрелки – как собаки, лишенные корма,
умирают в собственной конуре.

5 место

[АКИМОВ Геннадий, Курск \(Россия\)](#)

Хирургическое отделение

Ты не знаешь о ране - разрез ли, а может, распил,
Выплывая на свет из отключки тяжёлой и вязкой.
Боль уже не страшна, ей велели: "Давай-ка, поспи",
И прикрыли стерильной повязкой.

"Ну, отрезали мяса кусочек - не стоит жалеть, перестань" -
Сам себе говоришь, и спокойней от мысли утешной.
В хирургии намного отчетливей видится грань
Между тканью живой - и отмершей.

А вечернее небо залито потоком чернил,
Фиолетовый свет холодит, и тщета отпускает дневная.
Дышат липы в саду, шелестят, и цветут что есть сил,
Острый запах микстур забивая.

Наготове клинки. Выступают отряды в обход,
Натянув белоснежные латы...
Отрицая гниение, Лед Зеппелин нагло орёт
Из окошка четвёртой палаты.

6 место

[КРАЙТМАН Семен, Герцлия \(Израиль\)](#)

О мой печальный, добрый брат...

о мой печальный, добрый брат...
дрожащей медью тёк закат,
как дОлжно им, без всякой цели,
звенели птичьи голоса,
спала река, ползла оса,
на золотом крыльце сидели
портной, сапожник, брадобрей... -
все ангелы Царя Царей,
его команда удалая.
в туманные пределы рая
вилась дорога и по ней,
мы шли, умерших матерей
своих,
черты приобретаю.
как в старом фотоателье -

"Рубинчик, Штильман и Лурье" -
в закатном, тёмно-красном свете
мы возникали на пустом
листе и те,
на золотом
крыльце, кричали нам: - вы кто?
и мы не знали, что ответить.

7 место

КРАСНОВ-НЕМАРСКИЙ Дмитрий, С-Петербург (Россия)

Мальчик упрямо вертит...

Мальчик упрямо вертит,
крутит овал земной
и не боится смерти,
маленький, страшный, злой.

Утром на мессершмитте
не облетал страну,
просто сходил на митинг
и развязал войну.

Просто несчастный мальчик,
выросший без отца,
взял и направил мячик
вдоль своего крыльца.

Не подавал снаряды,
не поднимал знамён,
просто всегда был рядом,
светел, горяч, умён.

Дёшево будет продан
родины горький дым,
быть со своим народом
нравится молодым.

В этом, не скажешь мягче,
дикое что-то есть,
катится дальше мячик,
дом огибает весь.

Если сильнее ударить,
перелетит забор,
пятнышко на радаре
не разглядеть в упор.

Небо расчешет космы
облаку и — вперёд —
мальчик в открытый космос
вслед за мячом уйдёт.

8 место

МАРКИНА Анна, Климовск (Россия)

Был у меня соседик...

Был у меня соседик, заикленный на вещах.
Все что ни брал он просто, просто не возвращал.
Даже когда в квартиру шли ему дать по шам,
он зеленел тихонько, но денег не возвращал.
Был он тогда женатый, слушала я жену:
дескать, любви давала – ни капельки не вернул.
Я говорю – и я вот ему одолжила стул,
он мне от стула тоже ни щепочки не вернул.
Встретились мы с соседом. Плакался он: беда...
столько дано, мол, счастья, надо чуть-чуть отдать.
Он протянул мне, было, счастье, – не в долг, а в дар –
но убежал внезапно, просто не смог отдать.
Был у меня соседик, еле уже дышал,
столько скопил он пыли – на целый всемирный шар.
Бывшей жене в апреле вышел купить он шаль,
шел в магазин и лопнул. Совсем, как воздушный шар.

9 место

ГЕРАСИМОВА Александра, Томск (Россия)

Они приходили...

они приходили
садились со мной за стол
и кровь их от счастья сворачивалась простоквашей
и я становилась древнее себя на сто
а может на тысячу лет
чем больней – тем старше

они приходили
и я начинала счёт
до первой звезды
а может до первой смерти
я чувствовала как будто во мне течёт
река божьих слёз
и божьи рождаются дети

они уходили
и я забывала сон
хождение
речь

и что там ещё людское

они уходили

из чёрных моих окон
всё падали женщины
под колокольный звон
а после терялись в безвинном неупокое

10 место

[ПРИЕДНИЕЦЕ Анастасия Лиене, Саулкрасты \(Латвия\)](#)

Катарина. Улдис

Катарина Линде знала о мире всё:
вежды ночи следят за нею, вечно отверсты,
добрый будет низвержен, озлобленный — вознесён,
а иная болезнь равна социальной смерти.

Оказалось — люди пишут издалека,
присылают деньги (хоть Кате и не просила —
было нечем: ни сил, ни мыслей, ни языка,
знай лежи себе — поломанная лесина).

Оказалось — кто-то любит её саму,
а не только рисунки-фото-стихи-рассказы.
И она разгоняла зыбкую полутьму —
и учила слушаться голос, тело и разум.

И казалось зеркало — воспалившийся шов,
поседевшую чёлку (обрезали наспех, криво...)
Катарина смотрела и думала: хорошо.
Некрасиво и жалко. Страшно и больно. Живо.

Улдис Калейс не удивился её звонку.
Как-никак — друг семьи. Лучший врач. Именит. Успешен.
И, конечно, ему написано на веку
защищать и спасать этих слабых и нежных женщин.

«Ты сама виновата. Будешь всю жизнь болеть». —
«Но в больнице пишут...» — «Да что ты суёшь под нос мне?!
Я всё знаю. И я помогу». — «Извини — но нет».
...и спина прямая, хоть ноги-то — еле носят.

Улдис думать не думает: это уже азарт.

Поломать того, кто — впервые — ему перечит.
И важнее — не осмотреть, а сказать в глаза:
без меня так и будешь горемычной-увечной.

«Говорят, тебя лечит какой-то вчерашний студент». —
«Извини, я сама выбираю, где мне лечиться». —
«Ты ещё приползёшь ко мне». — «Извини — но нет».
...так глядит свысока пленённая соколица.

Катарина бредёт по кромке морской воды.
Собирает гальку. Плавает, сколько может.
Знает: бережно море гладит её следы,
для неё согревает солнце песчаное ложе.

Улдис ёжится: лето сырое в этом году,
выползают на камни греться лесные змеи.
Не поймёшь этих женщин. Что за упрямый дух!
Ишь, сказала: «Я поправилась — я сожалею».

мы их тут себе разделяем
на правых и виноватых
говорим это типа жертвы

а это типа нацисты
а они совершенно одинаковые
маленькие солдаты
кровяные тельца
усталые лейкоциты

одинаково маршируют
одинаково поют
одинаково умирают
одинаково предстают
безо всяких беретов
камуфляжных бронежилетов
а апостол пётр им такой
у меня для вас никакого рая
никакого света

а они такие уже привыкли
говорят ему да иди ты на *уй
никакой ты тут не апостол
не пётр
если смотреть намётанными глазами
нет тебе веры говорят
нет в нас ни блага ни страха
а этот такой хихикает
хлопает в ладоши
и исчезает

исчезает вместе со своим кпп
со шлагбаумом
с ключом электронным
со своей седой бородой до пят
с презрением
и с насмешкой
а эти такие стоят
у них ни слов ни патронов
голые
в темноте кромешной

а она такая совсем темнота
густая тёплая нежилая
ни любви ни смерти в ней
ни родин в ней ни политик
только вдалеке
что-то вроде собачьего лая
плеска вёсел
скрипа калитки

что-то вроде запаха осенней травы
торфа
варёной картошки
что-то вроде обещания
к вечеру будем дома
и издевательское понимание
это ничего совсем ничегошеньки
это просто фантомное

и каждый одинаково хочет
набрать полный рот облегчённого мата
чтобы выплюнуть его без смысла
сладкий бальзам
небесную манну
а вместо этого они говорят беззвучно
мамочка мама
повторяют
мамочка
мама мама

никого мы тут не разделяем уже
без разбора одаряем венками
поровну почестей гражданским
военным
вашей артиллерии
нашей пехоте
только погляди
мамочка мама
это жизнь из нас утекает
это жизнь через нас идет
и совсем проходит